

Я старалась не смотреть на изысканные узоры, украшавшие свод купальни, и избегать взгляда, устремленного на белизну кожи, скрытую под водной гладью, но стоило до меня донестись тихому всплеску и нежному женскому голосу, как по спине пробежали мурашки. Пришлось обернуться. Из воды медленно поднималась Куан Сицин, обнажая свои гладкие плечи.

Я замерла, глядя, как капля воды срывается вниз и разбивает зеркальную гладь бассейна, обнажая взору нечто до неприличия соблазнительное. Шея моя одеревенела, а спина уперлась в холодный каменный бортик. Отступить было некуда. В этот момент она коснулась моей щеки — прикосновение было мягким, мимолетным. Она едва заметно улыбнулась, и в ее голосе, влажном от пара, сквозила странная тягучесть:

— Ты вся горишь. Может, хватит уже отмокать? Выходи.

— ...Да, — отозвалась я. Сердце колотилось так, словно вот-вот выпрыгнет из груди, а жар на щеках чувствовался даже без прикосновений. В голове проносились тысячи догадок, но я никак не могла уловить ее истинных намерений. Если бы не то, что мы с Куан Сицин одного пола и почти одной крови, я бы решила, что она надо мной подшучивает.

Она не стала приближаться, не стала длить эту подчеркнутую двусмысленность. Развернувшись, она вышла из воды на берег, небрежно обтерлась полотенцем и, бросив на меня мимолетный взгляд, накинулась свободный халат. Она не стала звать прислугу, как я того опасалась, и это позволило мне наконец расслабиться и сползти по стенке бассейна.

Вскоре я последовала ее примеру. Длинные волосы Куан Сихань, доходившие до поясицы, сильно мешали, а я, привыкшая к стрижке до плеч, чувствовала себя крайне неловко, пытаюсь справиться с этой копной.

Вдруг я услышала тихий, смешливый вздох. Мои волосы подняли теплые пальцы, и я встретила взглядом с ее бездонными глазами. Я замерла, смущенная, позволяя этим изящным, ухоженным рукам, в чьей власти находились тысячи человеческих судеб, ловко перебирать мои пряди и бережно отжимать их полотенцем. Сама она стояла, все еще мокрая, и вода пропитывала тонкий светлый халат, расцветая на ткани пятнами, словно белые лотосы, подчеркивающими каждый изгиб ее тонкого тела.

— Сестра... — я замялась, не зная, с чего начать. Она лишь беззаботно рассмеялась, взяла другой халат и накинула его на мои плечи.

— Идем быстрее, а то простудишься.

Увидев, что я неуклюже завязываю пояс, она взяла меня за руку и повела к другой двери, не к той, через которую мы вошли. Оказалось, из купальни есть тайный ход прямо в ее личные покои, чтобы после водных процедур не застудиться на ветру.

Как только дверь открылась, нас окружили слуги. Они принялись бережно вытирать ее волосы, а она, не замедляя шага, направилась вглубь покоев, выпустив мою руку.

Отбросив странное чувство опустошенности, я отдала полотенце слуге и поплелась следом.

Когда наши волосы подсохли, Куан Сицин отослала всех слуг. В предбаннике остались лишь два мальчика, дежуривших с фонарями; их худые тени, отбрасываемые желтым светом свечей на холодный пол, были единственным, что хоть немного оживляло этот пугающе пустой дворец.

Да, на мой взгляд, эти покои императрицы были даже менее роскошными, чем ее рабочий кабинет. Несмотря на обилие утвари, обстановка казалась слишком аскетичной.

Иными словами, это было место только для сна, а не гавань, где можно обрести покой. Мне показалось, что Дворец Своевременного Дождя, где она вершила государственные дела, был ей куда ближе.

В спальне пол возле кровати был устлан толстыми шкурами, а система отопления прогревала комнату так, что даже в легком халате не было холодно. Мой взгляд скользил по пустому залу и в конце концов уперся в широкое императорское ложе с золотым балдахином, на краю которого сидела Куан Сицин, с легкой улыбкой наблюдая за мной.

— Иди сюда, — она похлопала по мягкой постели, приглашая меня лечь с краю.

Подавив тяжелый вздох, я послушно подошла и нырнула под теплое одеяло. Я закрыла глаза, стараясь не смотреть, как она опускает занавеси. С тех пор как я начала учиться, я ни разу не спала с матерью, не говоря уже о ком-то другом. Мысль о том, что рядом со мной кто-то дышит, лишала меня покоя — кажется, эта ночь обещала быть бессонной.

За пологими воцарился полумрак, и в этой тесной тишине возникло некое подобие интимности, от которой стало неловко. Я почувствовала, как кровать прогнулась под чьим-то весом, ощутила аромат сандала и сладких цветов... В следующую секунду меня заключили в теплые объятия, и этот аромат, казалось, перекрыл мне дыхание.

Неужели фраза спать в обнимку применима к императрице Дау и Лин-ван, или к любым другим сестрам по разным отцам? Слишком уж это было близко.

Пока я, скованная ужасом, пыталась не шевелиться, она начала мягко гладить меня по спине. Ее голос, полный смеха, раздался над ухом, обладая почти гипнотической силой:

— Хань-эр, разве ты не просила меня обнимать тебя перед сном? Сегодня, раз уж ты только оправилась от болезни, я исполню твою просьбу... Но в последний раз, договорились?

— ...Благодарю, сестра, — я расслабилась, стараясь отклониться назад, чтобы избежать прикосновения к ее груди, и глухо ответила на ее слова.

Подавляя тревогу, я закрыла глаза и постаралась ни о чем не думать. Незаметно для себя я

задремала. В полузабытии я почувствовала, как объятия стали крепче, но сил сопротивляться уже не было, и я просто позволила всему идти своим чередом.

Сон был глубоким — видимо, благодаря тяжелому аромату благовоний и слабости этого болезненного тела. Проснулась я уже на следующее утро. Куан Сицин в комнате не было, а у кровати выстроились прекрасные юноши, чье присутствие окончательно вырвало меня из остатков сна. Впереди всех стоял изможденный слуга — не кто иной, как Сяо Чань, мой верный слуга из поместья.

Его обеспокоенное лицо заставило меня улыбнуться: наверняка он решил, что я едва не погибла от рук Куан Сицин.

— Который час? — я взяла у него чашку с чаем, прополоскала рот и встала, позволяя слугам быстро и ловко одеть меня.

— Ваше Высочество, уже прошел час Сы, — ответил он, доставая ленту для волос.

Значит, уже больше десяти утра. Неудивительно, что живот скрутило от голода — я пропустила завтрак.

— Пора возвращаться в поместье, — как раз успею к обеду. Я мельком глянула на молчаливого Бин И, застывшего в углу, и подумала о том, как сильно, должно быть, нервничает Янь Кэ.

Слуги во Дворце Утренней Росы не пытались меня задержать — то ли авторитет Куан Сихань заставлял их трепетать, то ли они просто не смели перечить. Как бы то ни было, стоило мне выйти из покоев, как они выстроились в ряд и поклонились. Мне показалось, что в их позах читалось облегчение от того, что я наконец ухожу.

Я знала, что это тело здесь не жалуют, но после вчерашнего общения с Куан Сицин, ее мягкости и отсутствия всякой неприязни, я почти забыла об этом. Теперь же, снова ощутив страх и отторжение со стороны слуг, я не могла принять это так просто.

Преодолевая боль в животе, я поспешила к выходу из дворца. Издалека я увидела темно-фиолетовую форму стражи Лин-ван и высокую, холодную женщину, возглавлявшую отряд. Она расхаживала взад-вперед, выглядя крайне встревоженной, а ее солдаты сжимали рукояти мечей, готовые в любую секунду броситься в бой. Если бы не стража у ворот, они бы наверняка уже ворвались внутрь.

— Тетушка Кэ, — негромко окликнула я, находясь еще на некотором расстоянии.

Женщина резко обернулась и в два счета оказалась рядом, хватая меня за плечи и внимательно осматривая с ног до головы, словно боясь найти хоть царапину. Ее неприкрытая забота тронула меня, и я позволила ей себя осмотреть.

— Ваше Высочество, вы в порядке? — осознав, что у ворот дворца не место для разговоров, она усадила меня в карету. Как только мы тронулись, она нетерпеливо спросила.

Я успокаивающе улыбнулась ей:

— Все как обычно, не волнуйся.

Она тяжело вздохнула, сурово взглянула на притихшего Сяо Чаня и начала осторожно расспрашивать о деталях моего пребывания во дворце. Она не стала спрашивать о причинах — видимо, Куан Сихань уже не раз оставалась здесь на ночь, а ее беспокойство было вызвано недавней тяжелой болезнью.

Ах да, я почти забыла: по идее, мое появление означало, что слово почти потеряло всякий смысл. Настоящей Куан Сихань больше нет. Я, Цзянь Синь, лишь одинокая душа, занявшая чужое гнездо.

Я никогда не считала, что смогу ее заменить. Да и не хотела... заменять.

Дорога прошла в молчании. Вернувшись в поместье и пообедав, я почувствовала себя лучше. Я погладила плоский живот, глядя на дымящуюся чашу с горьким отваром.

— Может, подождать, пока остынет? — утешала я себя, понимая, что это лишь бесполезная отсрочка.

— Ваше Высочество, прошу, выпейте лекарство. Если оно остынет, целебные свойства ослабнут, — стоило мне выказать нежелание, как Сяо Чань тут же опустился на колени и подполз ко мне, протягивая чашу с таким видом, будто готов умереть на месте, если я откажусь.

Не в силах вынести укоров совести — хотя я знала, что мальчишка давит на жалость намеренно, — я все же не могла привыкнуть к тому, что юноша стоит передо мной на коленях. Собравшись с духом, я залпом выпила отвар. Горький, едкий вкус заполнил рот, на мгновение онемел язык. Я поклялась, что не хочу пробовать это снова.

— Это... это лекарство не такое, как в прошлые дни, — я, не заботясь о приличиях, схватила чашку с чаем, чтобы прополоскать рот, и сердито посмотрела на Сяо Чаня, который с облегчением забирал пустую чашу.

— Ваше Высочество, это новое лекарство, прописанное врачом, — коротко ответил он и, поклонившись, вышел с подносом.

Я причмокнула губами, чувствуя, как горечь немного отступила, уступив место приторному привкусу грушевого чая. И эта смесь сладкого и горького была ничуть не лучше, чем просто горечь.

Отставив чашку, я выглянула в окно: солнце светило как раз так, как надо — самое время посидеть в саду.

Я решила, что этому болезненному телу не помешает немного солнечного света, чтобы выгнать хворь. Сяо Чань и Бин И почтительно следовали за мной. Слуги по пути почтительно отступали и кланялись, а я старалась держать лицо, сохраняя присущую Куан Сихань надменность, и медленно шла по саду, полагаясь на память. Единственное, что приносило облегчение, — никто больше не пытался оспорить мои прогулки.

Неважно, было ли это связано с авторитетом прежней хозяйки тела или с негласного разрешения Янь Кэ, но я чувствовала, что хотя бы на мгновение обрела ограниченную, но свободу.

...Пусть даже эта свобода была пропитана одиночеством и нелепостью.

Прогуливаясь мимо прудов и причудливых камней, я сама не заметила, как мои ноги принесли меня к задним воротам, в сторону павильонов, утопающих в цветах. Возможно, подсознание помнило это место и тянуло меня сюда, к той женщине, которая так ярко врезалась мне в память.

— Я хочу заглянуть в Павильон Слушания Снега. И смотрите, не беспокойте супругов, понятно? — я махнула рукой, подозвала Сяо Чаня и прошептала ему на ухо приказ. Я пересчитала стражников — количество не изменилось. Люди Янь Кэ вряд ли станут доносить супругам о моем визите.

— Слушаюсь, — Сяо Чань поклонился, что-то сказал Бин И, и та посмотрела в мою сторону. Я важно кивнула, хотя и не знала, как она отреагирует. К моей радости, она поклонилась и приказала страже рассредоточиться, оставив рядом с собой лишь Сяо Чаня.

Следили ли они за супругами или просто прятались, чтобы не шуметь, меня уже не волновало.

Подойдя к Павильону Слушания Снега, я заколебалась: войти просто так или отправить Сяо Чаня постучать? Пока я размышляла над своей нерешительностью, дверь со скрипом отворилась.

— Цзян Чжо приветствует Лин-ван, — она оставалась такой же спокойной и отстраненной, как и в нашу первую встречу. Она даже не поклонилась, ограничившись лишь сухим приветствием. Ее глубокие, красивые глаза молча смотрели на меня, словно в них таились тысячи слов, но она была слишком утомлена, чтобы их произносить.

Глядя на лицо, столь похожее на лицо Куан Сицин, но с совершенно иным темпераментом, я

услышала свой собственный голос:

— Разве страж Цзян не пригласит меня войти?

На мгновение в ее глазах мелькнуло удивление, и это заставило меня забыть о смущении. Я поняла: любые действия, способные вывести ее из равновесия, стоят того. Эта радость от удавшейся шалости была, пожалуй, единственным способом выплеснуть раздражение, накопившееся после встречи с Куан Сицин.

— Прощу, — она взяла себя в руки, открыла дверь шире и жестом пригласила меня войти. Только сейчас я заметила, что на ней лишь тонкий халат, завязанный небрежно, и в распахнутом вороте виднелись не только белая кожа, но и пугающие следы шрамов.

Я замерла и обернулась к следовавшим за мной Сяо Чаню и Бин И:

— Ждите здесь.

Я не хотела, чтобы кто-то еще видел ее раны. Мне казалось, она и сама этого не желает.

— Ваше Высочество? — Бин И хотела что-то сказать, но Сяо Чань схватил ее за руку:

— Слушаемся.

Я кивнула и вошла в комнату, наполненную ароматом сандала и лекарств.

Цзян Чжо прошла вглубь комнаты. Я помедлила, а затем вошла следом. Она сидела у единственного стола, на котором были разложены мази и окровавленные бинты — судя по всему, она собиралась сменить повязки.

Увидев, что она тянется к чайнику, чтобы налить мне чаю, я почувствовала такой укол вины, что поспешила ее остановить:

— Я не хочу пить... Ты... продолжай обрабатывать раны, не обращай на меня внимания.

Она резко подняла на меня взгляд, и я снова задумалась, не сказала ли чего лишнего. В ее глазах не было отвращения, но и благодарности я тоже не увидела.

— Прощу прощения, — после короткой паузы тихо произнесла Цзян Чжо. Она отвернулась, развязала пояс халата и спустила его до пояса, обнажив изящную линию плеч и спины.

Ее позвоночник был похож на горный хребет с картины мастера, а лопатки, казалось, вот-вот расправятся, как крылья. Но больше всего меня поразило то, что эту красоту перечеркивали глубокие шрамы от клыков и плетей — где-то уже затянувшиеся, а где-то все еще кровоточащие.

Я невольно ахнула — от жестокости этого зрелища и от его пугающей, болезненной красоты.

Она стояла ко мне спиной, долго не двигаясь. Я засомневалась: неужели она ждет, что я помогу ей с повязками?

Не раздумывая, я схватила флакон со стола, открыла его и выдавила немного мази на ладонь. Белая субстанция приятно пахла лекарствами. Кончиками пальцев я осторожно коснулась незажившей раны.

Ее мышцы под моими пальцами вздрогнули — рефлекторная реакция на боль. Я не осознавала, что ее глубокий взгляд уже давно прикован к моему лицу.

— Сделала больно? — я отняла руку и виновато посмотрела на нее.

Она тут же отвела глаза:

— Нет.

— Ну и хорошо, — я принялась быстро обрабатывать остальные раны, накладывая бинты и в конце завязала их аккуратным бантом. И только закончив, я осознала, какую глупость совершила. Да, Цзян Синь, прошедшая курсы первой помощи, легко справилась с этой задачей, но ведь теперь я — Лин-ван, которая никогда не получала ран и не умела их перевязывать.

Цзян Чжо смотрела на меня с явным сомнением, и сердце у меня ушло в пятки.

— Благодарю, — спустя некоторое время негромко произнесла она, достала из шкафа чистую одежду и надела ее прямо при мне.

Я молча ждала, пока она оденется, вертя в руках остатки бинтов, чувствуя себя не в своей тарелке.

— У вас есть еще распоряжения, Ваше Высочество? — она поправила воротник и бросила на меня холодный взгляд. Очевидный намек на то, что мне пора уходить. Хотя она и использовала почтительный тон, в ее глазах не было ни капли уважения. Мне казалось, что после того, как я помогла ей с перевязкой, она даже не считает нужным притворяться.

Смешно, но рядом с ней, такой холодной, я чувствовала себя гораздо свободнее, чем рядом с Куан Сицин, Лу Сючжу или Янь Кэ.

Но в тот короткий миг, пока она отвернулась, я вдруг вспомнила факт, который до этого старалась не замечать: будучи перспективным стражем, она в одночасье превратилась в игрушку для утех. Любой на ее месте не вынес бы такого унижения, не говоря уже о жестоких

побоях... А человек, который сотворил с ней все это, — это Куан Сихань, чье тело я сейчас занимаю.

Иными словами, вместе с правом пользоваться этим телом я взяла на себя ее ответственность, ее чувства... и ее грехи.

<http://bllate.org/book/21773/2251639>